

Позывной «Граф»

Вместо предисловия

Жизнь каждого человека окутана особой тайной. И особой тайной окутана его смерть, которая к каждому приходит в строго назначенный день и час. Когда этот час наступает, не помогут ни обереги, ни просьбы, ни обещания начать жизнь с белого листа. Зачем мы приходим на эту грешную землю? Когда и как уйдём? Почему одни уходят раньше, а другие позже? Почему одних не берёт ни нож, ни пуля, а других не спасает ни родительская, ни священническая молитва? За что в наши беспокойные дни умирают молодые парни, которым жить бы да жить, растить детей, радовать своих жён и матерей с отцами?

В дни проведения на Украине специальной военной операции эти вопросы не дают покоя тысячам родственников российских солдат, ушедших защищать свою страну от того зла, которое нависло над Россией. Этот очерк был написан ради одной цели – рассказать о жизни хорошего парня, который погиб за каждого из нас.

«Мам, ты там меня с папой не теряй...»

Тот ноябрьский день 2023-го года Татьяна Анатольевна запомнит на всю жизнь. Как всегда, она была на работе, которая вот уже несколько месяцев помогала ей отвлекаться от невесёлых бабьих думок о сыне с тех пор, как он ушёл на СВО. В магазине, хочешь-не хочешь, отвлечёшься – то доставка, то оценка, то сменщицу подменить, то одно, то другое... Отгоняя мрачные мысли, Татьяна успокаивала себя: «С Артёмкой всё будет хорошо. Я знаю. Он у меня везучий».

Артёму и правда не раз в жизни везло. Как-то раз в лесу «буханка» Марценковских, штурмуя очередную лужу, казалось, насмерть застряла на таёжной дороге. Чтобы вызволить машину, мужики принялись накидывать под колёса брёвна. В какой-то момент, отпиливая кусок лесины, Николай саданул, вдруг, соскользнувшем «Штилем» по ноге сыну. Тогда, слава Богу, всё обошлось разорванной штаниной и небольшой раной. Чуть позже Артём, сам того не желая, вернёт должок бате. Во время ремонта машины, забывая в трубу какую-то деталь, он случайно ударит отцу кувалдой по голове, когда тот присядет позади него, чтобы посмотреть место, в которое должен был бить сын. Благо, удар был несильным и пришёлся Николаю по шапке. Вечером Артём по-доброму подколлет отца: — Ты ж сам меня всегда учил, что долги надо возвращать...

Расставляя по полкам товар и подписывая документы, Татьяна временами возвращалась к мыслям о сыне – как он, что с ним, поел ли, не болеет ли. А как не думать: хоть и взрослый Артём, а всё одно – сын и кровинка. Позже она вспомнит, как в тот момент что-то будто толкнёт её в сердце:

— Поднимаю глаза – вроде как Сашка Пантелеев стоит - сослуживец Артёмкин. Я ещё подумала: «Сашка... Он живёт в Чите, родители на Мостовой. Он не может здесь быть». - Опять глаза поднимаю – Сашка и Сашка. Потом голову немножко вправо поворачиваю, а это Артёмка. Стоит с букетом - розы и какие-то белые цветы. Стоит, хохочет. Я его нет, чтоб обнять и поцеловать, отчитала зачем-то...

Потом она, конечно, обнимет сына, повиснув на его шее, не в силах сдержать, вдруг, хлынувших слёз. Мать есть мать – ей надо поплакать, а в такой момент, как говорится, сам Бог велел. Не поплачешь – сердце разорвётся, а со слезами у любой бабы вся печаль-тоска выходит, вся боль. Конечно, она с мужем ждала своего Артёмку. Конечно, знала,

что тот должен был приехать и, вроде, была готова к этому, да только сердцу материнскому не прикажешь и родительские чувства в чулок не спрячешь. Вот и хлынуло из Татьяны. Каждый месяц командование кормило сына пустыми обещаниями, откладывая отпуск для бойца под любыми благовидными предлогами, заставляя родителей, живших от сына за семь тысяч километров, не находить себе места. Уже все друзья Артёма в отпуск съездили, а ему всё обещания по карманам распихивали. И, всё-таки, этот долгожданный день наступил...

Но Артём удивит своим неожиданным визитом не только мать. Часом позже зазвонит телефон его отца, отдохавшего в тепляке. Уже после похорон, заметно сдавший и поседевший, Николай будет вспоминать:

— Гляжу – Артём звонит. Поднимаю трубку: «Чё, Артём?» - «Здорово, батя! Там Сашка Пантелеев подъехал. Открой ему, собаку только загони». – Ну, я и подумал, что Сашке какая-то помощь понадобилась. Собаку загнал, из ворот выхожу, поворачиваюсь и понять не могу – Артёмка стоит с коньяком, с коробкой конфет... Улыбается. Какую-то колонку нам с матерью привёз. Большую - с блютусом. Только нахрен она нам теперь нужна...

Больше года Татьяна жила только телефонными разговорами Артёма, который старался говорить с матерью каждый день:

— Дня не было, чтобы он нам с отцом не позвонил, - закуривая, будет вспоминать Татьяна, выпуская дым в приоткрытую дверцу печки. – И вот верь–не верь. В какой-то момент я заметила, что икаю перед звонком Артёмки.

Слушая жену, Николай, отхлёбывая чай, кивнул:

— Было дело.

— Сначала-то я думала, что просто совпадение - ну, раз икнула, два. Бывает. Ну, а потом и Коля заметил. Только чихну, минут пять проходит, Артёмка звонит, будто связь между нами невидимая установилась.

В день, когда Артём погибнет во время одного из своих последних боевых выходов, странная, но до того момента железно работавшая примета неожиданно даст сбой, заронив в сердце матери тревогу, с того момента уже не отпуская её. За пару дней до этого Артём позвонит матери и скупно скажет: «Мам, ты там меня с папой не теряй, если я на связь не буду выходить. Мы с ребятами на пару дней на задание уйдём. Как приду - позвоню».

Но до этого страшного дня будет ещё долго, и Татьяна будет по-прежнему ждать сына, сохраняя в телефоне каждую его эсэмэску и каждую фотографию. Вот Артёмка с ребятами в блиндаже. Вот с сослуживцами в экипировке в бронике с автоматом – вдруг, как-то враз повзрослевший. Настоящий воин... Вместо привычного и обычного Артёма – сильный зрелый мужчина с внимательным и каким-то особенным взглядом. Со временем такой взгляд будет у всех, кто попадёт на СВО... Вот он с каким-то глупым белым собаченком на дороге, вот рядом с многоэтажкой в футболке. Вот с двумя маленькими красными газовыми баллонами в руках. Вот с девушками-волонтерами – слегка улыбаясь, держит в руках коробки с провизией, которую девчонки привезли им на позиции. На верхней - коротенькая надпись: «Армейский сухой душ. С любовью из Липецка»... На коробке пониже: «Борщ с курицей с сухариками от Елецких девчат. Количество 20 штук на 40 человек». Ниже тёплое послание: «Наши герои! Гордимся вами! Божьей помощи. Храни вас Господь! Берегите себя и скорее возвращайтесь домой с победой»...

В день, когда Артём приедет на побывку к родителям, в дом к Марценковским приедут все родные и друзья бойца. Оно и понятно: на побывку приехал не просто земляк и родственник – солдат, защитник, а это уже совершенно другой статус. Вместе с собой

Артём привёз огромную, как небо, и одну на всех светлую надежду на то, что все дарасунские пацаны вернуться домой живыми. Если он вернулся, значит и другие придут.

Артёма ждали все, кто его знал. Для кого-то он был одноклассником, для кого-то коллегой, для кого-то родным и любимым человеком. Но для каждого он был очень хорошим, а, главное, настоящим другом, умевшим держать слово. В телефоне Татьяны сохранится видео, которое пришлёт ей подруга сына. Записывая для неё какую-то старую блатняцкую песню, Артём задумчиво скажет: «Ладно... Сыграем песни тех далёких-далёких лет. Обещал же – обещал. Раз обещал, надо сделать. Умри, но сделай». -

Позже, просматривая это видео, Татьяна скажет:

— А ведь он такой и был – если обещал, всегда делал, а если не мог сделать – не обещал. Это его Николай таким воспитал. Он и сам такой же...

Двумя днями ранее Артём отправит мне в «телеге» эсэмэску: «Здорово, Максим) Как дела?) В отпуск выбрался) Приходи в гости, рад буду». - В конце два смайлика – рукопожатие и смеющаяся рожица...

Я приду к Марценковским через два дня, дав возможность родным и друзьям пообщаться с Артёмом без лишних глаз. Да, он был для меня другом, но в жизни бывают моменты, когда человеку нужно побыть только с родными... Когда я войду в тепляк, он поднимется мне навстречу. Это был уже не тот Артём, которого я знал. Передо мной стоял взрослый, немного похудевший мужчина с тёмными от, ставшего хроническим, недосыпа кругами под глазами, выдававшими страшную усталость, не столько внешнюю, сколько внутреннюю, душевную.

— Здорово, Максима!

— Ну, здравствуй, боец!

Мы по-братски обнимемся, и тут я пойму, что дико соскучился по этому парню, с которым подружился на всю жизнь, видевшись с ним всего пару раз. Удивительно, но так бывает...

Мы познакомились с Артёмом, в общем-то, неожиданно, когда его дядька и отец взяли меня с собой за брусникой на Алханай, зная, что я нашлёпаю для них хороших «фоток», а заодно привезу домой ягоды. Глядя на мужиков, ловко орудовавших «совком», я просто любовался их движениями, с трудом поспевая за ними. Совок идёт по бруснике, как машинка по волосам. Ш-шик, и в ведро с характерным дробным и чуть приглушённым звуком сыплется очередная порция тугой алой ягоды. Руки у мужиков ловкие – раз и ведро, раз - и другое.

Все три дня я буду успевать снимать фильм об этой поездке, который потом не на один раз пересмотрят и Татьяна с Николаем, и вся родня. Бродя с мужиками по заваленным буреломом норовистым забайкальским сопкам в поисках брусники, я даже не догадывался о том, что спустя всего пару лет буду вспоминать эти три дня почти каждый день, разглядывая, вдруг, ставшие дорогами, кадры, на которых остался Артём – молодой и живой. Тогда ещё никто из нас не знал о том, что фотографии и видео из той поездки станут для всех нас по-настоящему памятными. Именно тогда мы и подружился с Артёмом.

В первый же вечер, когда в свете луны мужики будут что-то горячо обсуждать у потрескивавшего костра, Артём, в тот момент уже тридцатилетний мужик, тихо отзовет

меня за «буханку», где, присев на корточки, тайком от отца и дядьки закурит, то и дело выглядывая, как школьник, из-за машины, чтоб отец не «спалил»:
— Ты, Максима, только бате с дядей Лёней не говори, что я курю...

Затянувшись, Артём внимательно посмотрит на меня и скажет:

— Ты не думай, что я какой-то глупый деревенский мужичок, который ничего не понимает. Просто я не любитель говорить. Я ведь за тобой весь день наблюдал – как ты себя ведёшь, говоришь, как ягоду собираешь. Ты мне сразу по душе пришёлся. Ты хороший человек. Наш. Вот увидишь – мы с тобой ещё подружимся.

Так и вышло. А потом всех закрутил водоворот событий – каждого свой...
Вторая и последняя моя встреча с Артёмом произойдёт во время его единственного отпуска, но даже этих двух встреч мне хватило, чтобы понять, что Артём был настоящим человеком и другом, с которым теперь мне предстояло поговорить уже как журналисту...

«Ждите следующего борта»

Отпуск Артёма покажется для Татьяны с Николаем страшно коротким. Это было последнее их свидание с единственным и горячо любимым сыном. Они будут ждать своего Тёмку с того момента, когда его призвали в рамках частичной мобилизации в сентябре 2022-го года. Получив повестку, Артём не стал прятаться и не побежал по врачам, хотя имел для этого законный и железный повод. Много лет из-за смещения позвонков у него дико болела спина, отчего ему приходилось спать на жёстком полу. Всего один разговор с врачом, всего одна вовремя показанная законная справка с поставленным много лет назад диагнозом, и он был бы жив, оставшись дома. С такой спиной не то, что воевать – просто жить уже было большой проблемой.

Болезная спина станет причиной увольнения Артёма незадолго до мобилизации. По словам Николая, сын никогда особо не жаловался, стараясь не расстраивать родителей, но когда боли становились невыносимыми, говорил, что болит:

— Всё время на обезболивающих таблетках был. Спал в избе прямо на полу, чтобы спина не так сильно болела. На дороге, где он работал, как-то раз его прихватило. Тогда случился сильный заморозок в конце января, и Тёмка должен был проконтролировать работу подчинённых, а он вместо того, чтобы контролировать, стал вместе с ними работать. И вот тогда у него случился страшный приступ, когда от боли в спине он потерял сознание. Обнял дорожный столб и отключился. Его тогда еле от того столба оторвали, – руки от боли свело, – и сразу в больницу увезли...

Зная о проблемах сына, родители привезут ему на сборный пункт все необходимые бумаги и справки, чтобы он показал их врачам и членам комиссии.

— Если бы он тогда эти справки показал, его бы дальше на лечение отправили, и он бы точно дома остался, – сокрушался Николай, задним числом коря себя за то, что не убедил Артёма показать врачам справки. – Никто бы его не осудил, потому что больной человек на фронте не нужен, а он, считай, с такой тяжёлой болезнью пошёл...

Учитывая серьёзные проблемы со спиной, в судьбе Артёма всё могло быть иначе. Но он выберет иной путь, уйдя вместе с другими дарасунцами защищать страну. 23-го сентября 2022-го года в Карымской на сборном пункте возле автобуса с табличкой «Заказной» он попросит кого-то из знакомых сделать на память родителям пару снимков с отцом.

Спокойный, сильный и неожиданно ставший, как будто выше своих ста восьмидесяти пяти сантиметров, Артём уедет в свою последнюю командировку, как и все пацаны втайне мечтающая поскорее вернуться домой живым.

С того дня Татьяна с Николаем будут ждать своего Тёмку до последнего, до той страшной минуты, когда друзья поставят на табуретки посреди двора, обитый красным сукном, цинковый гроб с телом сына, в память о котором военком, сняв шапку, скажет: — Артём Николаевич Марценковский был настоящим бойцом и очень хорошим человеком. Я лично был знаком с ним. По отзывам сослуживцев и командиров, могу сказать, что за полтора года службы на СВО Артём ни разу не подвёл никого, проявив себя как боец и товарищ только с самой лучшей стороны. Он остался в памяти сослуживцев настоящим человеком, в котором его лучшие черты воспитали его родители - Татьяна Анатольевна и Николай Станиславович...

За месяц до похорон Николай, буквально согнувшийся от горя, скажет мне: — Не верю я, что Артёмка погиб. А может, просто не хочу. Не верю и всё тут! Хоть режьте меня. Пока его в гробу не увижу, не поверю. Мне легче думать, что он в какую-то дальнюю командировку уехал и у него там телефон разрядился, поэтому он не может со мной говорить. И в Бога я не верю. Поверю, если Артём живой ко мне придёт.

Пытаясь не сойти с ума, Николай будет курить пачку за пачкой и пить стаканами успокоительные, запивая их водкой, которая, впрочем, не давала почти никакого эффекта. Так было чуть легче. Главное – дожить до утра. Ночь – самая страшная пытка, когда из своих глубоких подземелий выползают мысли, воспоминания и поздние сожаления. Всю ночь Николай будет бродить то по тепляку, то по двору, пытаясь придумать себе заделье, лишь бы не заснуть. То воды принесёт, то дров поколет, то чашки сполоснёт, то собаку покормит, то специально будет подкидывать по одному полешку в печку в тепляке, растягивая время. Телевизор он не смотрел принципиально. На предложение включить «ящик» хотя бы для фона, Николай глухо скажет, с хрустом смяв пачку сигарет: — Чё там глядеть-то. Одна реклама.

Спать в доме, построенном тестем Николая, Анатолием Андреевичем, в 50-пушистом году, Николай, не боявшийся даже медведя с волком, не мог. Всё Артёмка на полу мерещился. Но под утро, когда станет светлее, он прикорнёт на диванчике в тепляке, чтобы набраться сил для битвы со следующей ночью.

Родители будут ждать гроб с телом сына почти два месяца. Одна неделя будет сменять другую, а тело Артёма, непонятно по какой причине застрявшее где-то в Ростове среди прочих «двухсотых», судьба словно прикуёт невидимыми кандалами, хотя все, кому нужно, давно знали и о нём, и о дате его смерти. На вопросы родителей, когда привезут тело сына, в военкомате говорили одно и то же: «Ждите следующего борта». - Потом родителям вообще скажут, что тело их сына не отправляли, потому что перепутали Артёма с кем-то другим.

Время шло, выматывая душу и Татьяне, и Николаю, которые в какой-то момент, выпитые горем, казалось, уже устали ждать, махнув рукой – как будет, так будет. К моменту доставки гроба с телом Артёма родители успеют заочно отметить сорок дней с момента гибели сына. Выкуривая одну сигарету за другой, Николай будет гадать, что же случилось с Артёмом, смерть которого была покрыта какой-то странной тайной. О гибели сына под Новомихайловкой, где стоял его полк, Татьяне, у которой от страшной вести чуть не отнялись ноги, сообщают сослуживцы Артёма. Это был такой удар, от которого Николай с Татьяной будут отходить годы.

Родителям расскажут о том, что группа Артёма попала под обстрел вражеской ДРГ, и что в него попала всего одна единственная пуля, которая умудрилась протиснуться сквозь какую-то щель в бронежилете бойца, пробив ему не то лёгочную, не то сердечную артерию. Пацаны вынесут Артёма с поля боя, затащив на руках в блиндаж, где, спустя пару минут, он, вздохнув пару раз, умрёт.

Успокаивало одно – Артём погиб в бою и сразу...

И всё-таки, что-то не будет давать Николаю, всю жизнь привыкшему взвешивать малейший шаг и каждое слово, покоя. В рассказ о гибели сына он будет и верить, и не верить, нутром чуя, что многое в этой истории не сходилось. Но и не верить парням, с которыми Артём ел одну на всех солдатскую похлёбку, он тоже не мог. Он будет сопоставлять все «за» и «против» до самых похорон сына, когда, стоя у его гроба, военком, вдруг, неожиданно для всех скажет о том, что группу Артёма накрыло миномётным огнём противника, и что Артём получил множественные осколочные ранения, несовместимые с жизнью. Была ли среди этих ранений та самая «единственная» пуля, никто так и не узнает.

Что-то выяснять и догонять правду уже не будет смысла. В один из вечеров Николай, который винил себя в том, что случилось, перелопативший к тому времени всю свою жизнь, с горечью скажет:

— Об одном жалею. Я ведь Артёмку за всю жизнь ни разу по-настоящему не обнял и не поцеловал. Как-то не получилось. Я бы сейчас всё отдал, чтобы его обнять, прижать к себе, чтоб он просто тут вот сидел со мной живой... Просто нас так в своё время родители воспитали. Сдержанными с своих чувствах... Не было у нас в семье всех этих... обниманий.

Николай выдохнул, закуривая новую сигарету.

— Только ты не думай, что я его не любил. Любил. Так любил, как другие не могут. Может, даже побольше Танюхи. Это ж мой сын был... Единственный.

В покрасневших и опухших глазах Николая блеснули слёзы, которые он быстро смахнул рукой. Роясь в памяти и переворачивая всю свою жизнь в поисках причины гибели сына, в какой-то момент он тихо скажет:

— Это меня Бог наказал. Как-то раз на охоте я козлёнка подстрелил. Случайно вышло. Он ведь тоже ребёнком был, только звериным. И вот я теперь думаю, что если бы я тогда этого козлёнка не убил, то Бог бы нашего Артёмку не забрал... Зачем нам теперь жить, а?

Я не знал, что ответить Николаю, ляпнув что-то про необходимость жить дальше. Но это была неудачная попытка успокоить отца, который не видел смысла жить без своего сына.

— Был бы хоть внучок от Артёмки. Пусть бы даже на стороне кто-то от него остался, так нету никого... Я ведь и жил, и вот это всё для Артёма делал. Да и Таня тоже. Мы и второго-то ребёнка не родили только потому, что всё только для Тёмки делали. Всё, понимаешь! Я, конечно, буду тянуть, сколько могу, но иногда мысли нехорошие приходят. Я уже Тане сказал, что если мы больше не сможем жить без Тёмки, чтобы дальше не мучиться, просто вымоемся в бане, наденем чистое, напишем для родных записку и включим газ...

Всё, что я мог, только слушать Николая, давая ему выговориться. Помочь раздавленному горем отцу я мог лишь условно – приходя к нему с Татьяной раз в несколько дней, чтобы отвлечь их от чёрных мыслей, намеренно переключая то на одно, то на другое. Чем-то отвлекали родственники и друзья. Одни еду сварят, другие в магазин сходят и лекарств

принесут, трети врача на дом позовут – Татьяна уже не могла. Не в силах справиться с горем, она на пару недель сляжет с сердцем, почти опухнув от слёз. Не выпуская из рук платка, она день и ночь будет плакать по сыну:

— Сыночка мой. Тёмочка.

Видя состояние Татьяны, одна из её знакомых скажет ей:

— Ты зачем же Артёма заплакиваешь? Не надо. Старые люди не зря говорят, что если много по покойнику плакать, ему в земле сыро будет. Старайся думать о нём светло, вспоминай самые хорошие моменты. Он здесь, среди нас. Он уже отмучился. Лучше молись за него.

Советы – штука хорошая, но в такие моменты, как правило, они мало кому помогают. Выслушав подругу, Татьяна, когда та уйдёт, ляжет на диван, отвернётся к стенке, и до ночи снова будет плакать.

«Райской жизни никто не обещает, но победу добудем!»

Как это ни странно, но именно болезнь Татьяны спасёт Марценковских. С утра до ночи Николай будет ухаживать за супругой, не отходя от неё и взяв на себя в доме всё, включая бабью работу. Буквально падая к утру от усталости, он поневоле будет вынужден отвлечься от тяжёлых мыслей о сыне.

Слава Богу, найдутся добрые люди, которые не оставят Николая с Татьяной. Узнав о горе Марценковских, к ним из Нерюнгри на несколько недель прилетит сестра Николая, Ирина, совершив настоящий гражданский и просто человеческий подвиг. Разгрузив Николая и взяв на себя обычные домашние дела по кухне, она даст ему возможность элементарно отдохнуть и набраться сил. Поможет она и Татьяне – какие-то моменты может взять на себя только женщина. Уехав ненадолго домой, чтобы помочь мужу собраться на вахту, Ирина снова вернётся и будет с Марценковскими до самых похорон Артёма...

Несколько недель в тепляке будет стоять устойчивый запах лекарств. К моменту похорон они сделают Николая и Татьяну практически неспособными плакать. Всё, что могли, они уже успеют выплакать за долгие недели ожидания груза «200», пройдя так называемую «фазу принятия», будь она проклята. Если бы не красные пятна на шее матери, появившиеся от хронического невроза ещё с момента отправки Артёма на СВО, мало что выдавало бы в этой сильной женщине её горе. Она будет сидеть напротив гроба сына внешне страшно спокойная и где-то даже отрешённая. Лишь иногда смахнёт слезинку, тут же спрятав платок в кулаке. Принимая соболезнования земляков, пришедших проститься с Артёмом, она будет думать уже не о себе, а о Николае. Во время одного из наших вечерних разговоров она скажет:

— Если бы я одна была, я бы уже давно за Артёмкой ушла, да как я Колю брошу. Сам видишь, как он сдал. Молчит, молчит, всё в себе держит. Так всю жизнь. А ему выговориться надо. При мне и других держится, а сам за дровами пойдёт и плачет там. Он без меня совсем пропадёт. Теперь уже ради него будут жить, ему буду помогать. Вместе всё равно полегче будет.

Похоронят Артёма 25-го февраля в ветреный ясный день с синим-синим небом. Друзья Артёма похлопочут с доставкой оградки и памятника, взяв на контроль все мелочи, связанные с похоронами. В этот день весь двор будет уставлен венками, а комната – коробками с цветами, которые люди будут нести до самого выноса. У изголовья Артёма будут стоять живые розы, а на крышке гроба перед портретом будет лежать, добытый и

омытый кровью Артёма орден Мужества, тот самый легендарный «мужик», получить который удаётся немногим бойцам.

Незадолго до похорон Николай, которого кто-то спросит, откуда будут хоронить сына, скажет, как отрубит:

— Вы при мне таких разговоров не ведите! Ещё бы я сына из мертвушек не забирал! Дома Артём будет. С нами. Здесь жил, отсюда его и повезём.

Собравшись, родители проводят сына в последний путь в высшей степени достойно – без слёз и рыданий у гроба, без долгих речей. Все всё понимали и без них. В этом суровом молчании было больше слов и чувств, чем в заготовленных речах, пусть и искренних. Прощальные слова скажут лишь представители администрации и военком, обеспечивший прибытие военного оркестра и почётного караула, который даст на кладбище несколько залпов в память о российском бойце, отдавшем ради своей страны и родителей самое ценное – собственную жизнь...

Если бы не похороны и заставленная коробками с цветами комната с гробом Артёма, никто бы не знал, насколько тронет дарасунцев смерть Артёма, хотя в эти дни в посёлке будут провожать ещё нескольких ребят. Земляков, пришедших проститься с Тёмкой, было столько, что большая часть людей будет стоять за оградой дома. С кладбища, где будет дуть холодный, пронизывающий до самых костей, ветер, не уйдёт никто. Ждать будут до последнего момента, когда мужики поставят памятник и приведут могилку, заставленную цветами, в порядок.

Когда всё будет сделано, Николай ещё на раз обойдёт оградку, всё проверив лично – всё ли так сделали, надёжно ли поставили памятник. Поправляя венки, он тихо скажет: — Ну... Пока, Тёмка.

Не желая уходить от сына, он специально будет тянуть время, всё ещё не веря в то, что Артёма, о котором будут напоминать только могильный памятник, фотографии в семейном альбоме и боевая награда, уже нет. Бросая землю в могилу с гробом сына, Николай бросал вместе с землёй и часть себя, не зная, как будет жить дальше без этого безумно родного молчаливого парня, который уже никогда не войдёт в родительский дом, не обнимет мать с отцом и дядьку. Никогда уже не будет бродить с ними по сопкам с вёдрами, наполненными отборной брусникой, и никогда не скажет: «Дорогие мои любимые родители...»

Вечером, когда все разойдутся и Николай с Татьяной останутся одни, они будут плакать, вспоминая сына. Обняв мужа, Татьяна будет гладить по голове мужа, не зная, где найти сил для новой жизни без Артёма. Неделей раньше она скажет мне, сидя у печки, в которую будет уходить сизая струйка сигаретного дыма:

— Теперь будем учиться жить дальше без нашего «Графа».

«Граф» был позывным Артёма. Почему позывной был именно таким, мы уже не узнаем никогда. Может, потому, что он был коротким и удобным для произношения, а может, потому, что внутренне Артём хотел быть именно таким – графом. К нему и относились почти так же – с большим уважением. На его день рождения девчата-волонтёры привезут ему сладкий подарок – небольшую коробочку с четырьмя маленькими, размером с ладошку, тортиками с зелёным кремом и крупными ягодами не то черники, не то голубицы. На одном из них будет надпись – «С Днём рождения!», на другом - «Граф».

По воспоминаниям Татьяны, Артём всегда как-то по-особому трепетно относился к родителям, успев стать для них настоящей семейной опорой:

— У нас был лучший сын – добрый, хороший, надёжный. С ним никогда не было проблем, потому что его и ругать-то не за что было. И он всегда о нас с Колей заботился, всегда нам во всём помогал. Даже сейчас продолжает - заработал нам с отцом военную пенсию...

Не выдержав, Татьяна снова заплачет.

— Лучше бы сам живой вернулся...

Но до этого февральского ужаса будет ещё несколько месяцев, а в ноябре 2023-го родители будут просто радоваться тому, что их Тёмка дома. Весь отпуск Татьяна будет печь для сына пирожки и булочки, пытаясь согреть его озябшее солдатское сердце материнским теплом. Не будут отходить от Артёма и отец с дядькой, вместе с ним все оставшиеся до конца отпуска дни ковыряясь то в машине, то в гараже, давая рукам парня, успевшим привыкнуть к автомату, снова почувствовать радость от прикосновения к гаражному инструменту и машинным железкам.

Да – через пару недель боец Артём Марценковский снова вернётся на СВО, но пока он был с ними. В один из февральских вечеров Николай признается мне:

— Когда мы Артёмку обратно на СВО провожали, у меня ж тогда ещё мысль мелькнула, что больше я его не увижу. Так и вышло.

Не поможет и моё личное благословение. Прощаясь с Артёмом, я перекрещу его и скажу: «Пусть Бог тебя хранит. С тобой всё будет хорошо». – Потом, в один из долгих вечеров Татьяна напомнит мне об этом напутствии:

— Я же тогда в это поверила. Я так в это поверила, Максим, а всё вышло по-другому. Не спас твой Бог моего Артёмку, не уберёт.

Не зная, что ответить Татьяне, я лишь слушал её, не находя ответа на вопрос почему погиб Артём и почему его не спасли ни настоящий, ни духовный бронезилет. Я ведь тоже верил... Возможно, это просто судьба. Война забирает многих – и верующих, и неверующих. У Бога свои списки...

Идея взять интервью у рядового 4-й штурмовой мотострелковой роты Российской Армии Артёма Марценковского, расспросив его о его армейском житье-бытье, придёт сама собой. Мысли разговорить Артёма не давали мне покоя с тех самых пор, как он напишет мне с передовой: «Я тут записи всё пишу, может, на книгу пойду, всё обо всём с первых дней».

Это было не столько интервью, сколько наболевший и честный рассказ бойца об СВО - почти исповедь, которую я так и не решусь опубликовать даже в частичном объёме. Уже по ходу интервью я понял, что какие-то моменты мне придётся отложить на потом, вернувшись к ним позже, когда для этого будет более подходящее время. Возможно, поэтому я тянул с написанием очерка почти месяц, не зная, с чего начать рассказ об Артёме, оставившем на память о себе только фотографии с телефоном, воспоминания родителей, орден Мужества и крайне непростой разговор об окопной жизни.

Берясь за рассказ о человеке, которого я практически не знал, я понимал, что это будет, возможно, самый сложный очерк в моей журналистской практике. И дело было даже не в политике и не в СВО. Я понимал, что это будет практически скольжение по тонкому льду личных впечатлений и воспоминаний о человеке, которого я почти не знал, с риском в

любой момент провалиться в тёмную воду неточностей и ошибочных оценок, от чего не застрахован никто.

И всё-таки я должен был взяться за этот очерк, потому что его ждали многие. Раздавленные горем родители, для которых я хотел оставить их единственного сына живым и осязаемым. Хотя бы в очерке... Друзья и подруги Артёма, ещё не до конца осознавшие, что их Тёмича с ними больше нет. Просто наши с вами земляки, чьи дети, как и Артём, навечно остались молодыми, отдав свои жизни за каждого из нас. За каждого. И за меня в том числе...

Сейчас, когда Артёма уже нет с нами, я, конечно, жалею о том, что не успел узнать его получше – это во многом помогло бы мне. Оттого я вслушивался в каждое слово его родных и друзей, вглядываясь в каждую фотографию из альбомов Марценковских, которых они занесли в тепляк целую коробку. Вот Тёмка с родителями в Крыму, вот в Китае, вот в тайге с отцом и дядькой. Вот смотрит на меня совсем мелкий, с двумя большими передними зубами, как у зайца. А глаза всё такие же - внимательные. Сколько ему на этом снимке? Лет десять, наверное. До «единственной» пули - ещё целая жизнь. Эх, Тёма-Тёма... Мало ты пожил, братишка. Нам бы с тобой ещё по тайге побродить, посидеть у костра, потискать гитару, поболтать о жизни...

Те же мысли были у всех, включая его дядьку, который почти каждый день украдкой оплакивал любимого племяша, ушедшего на СВО ради отца с матерью и дядьки, не забывая звонить родителям каждый день или по возможности. Со слов Артёма, у него всегда всё было хорошо, хотя, конечно, это было не всегда или почти всегда не так, или не совсем так. В окопах своя жизнь... Чтобы поднять дух матери с отцом, Артём будет иногда высылать им снимки для подтверждения, что у него «всё хорошо». Как-то раз он отправит на телефон родителям смешное коротенькое видео с ёжиком, которого парни найдут в траве, пытаясь взять его в руки, чтобы отнести его в «располагу». Во-первых, ещё одна живая душа в блиндаже появится. Во-вторых, мышей будет ловить. В кошек, которых волонтеры регулярно привозили на позиции для борьбы с грызунами, мыши уже не лезли...

На другом видео с голосом за кадром Артём с сослуживцем будут разбирать посылку с продуктами. Еда на фронте – важнее патронов. Не будет сил воевать – и патроны не пригодятся...

— Подарки нам привезли - Министерство обороны. Джем, шпроты. Ветчина. Сгущёнка – вроде, нормальная. Печенье. Чай. Сыр плавленый. Колбаски, сникерсы...

Перед Новым Годом Артём запишет для родителей видеопоздравление:

— Дорогие мои любимые родители! Поздравляю вас с наступающим 2024-м годом. Желаю, чтобы в Новом Году, наконец, СВО закончилась, и мы были все вместе, чтобы у нас всё было хорошо. Конечно, райской жизни никто не обещает, но победу добудем. С Новым Годом!

Досмотрев со мной ролик, Николай, завернув крепкую фразу, скажет в никуда:

— Вот тебе и добыл... Лучше б меня вместо него там положили...

Привезите мне «Чёрную акулу»

Готовя очерк об Артёме, я долго не мог понять, каким он был. Но могу сказать определённо - было в этом парне что-то особенное, какой-то невидимый магнитик,

который притягивал к себе других. Уже после его смерти на моей странице с коротеньким некрологом в память о нём счётчик за месяц накрутит почти двести пятьдесят тысяч просмотров с соболезнованиями людей о, казалось бы, незнакомом бойце из далёкого забайкальского посёлка Дарасун. Даже после смерти Артём будет словно притягивать к себе людей...

Он не был «аленделоном» - на вид обычный деревенский парень, немного неказистый, суховатый, не особо любивший разговоры «за жисть». Разве что глаза у него были не как у всех – глубоко посаженные и очень внимательные. Но за внешностью простого деревенского паренька, как оказалось, скрывалась широкая душа, большое сердце и умение приходить на помощь в трудную минуту.

Артём появится на свет в роддоме посёлка Дарасун, который тогда находился на улице Нагорной, 6-го июня 1991-го года в день рождения Пушкина. Вес - 4100. Рост - 52 сантиметра. Почти богатырь. Будущий участник СВО обрадовал своим рождением не только Татьяну, но и Николая, которому, по его признанию, тогда было без разницы, кто родится. Дитё и есть дитё:

— Что чувствовал-то? Да не помню уже. Столько лет прошло. Конечно, обрадовался! Сын же... Я тогда водителем КАМаза работал в АТП и в тот день как раз в командировке был.

Но обрадуется не только Николай. Узнав о рождении племянника, Леонид, работавший в то время в аккумуляторке, бросив все дела, прибежит с новостью к отцу: «Батя, у нас пополнение! У Кольки сын родился!» - Вечером, по русскому обычаю, мужики отметят появления сына за семейным столом...

По словам Татьяны, говорить Артём начал, когда ему ещё и года не было:

— Как-то мы с мамой купили Тёмке молочную смесь «Пулева». Начали показывать ему коробку с названием и учить: «Говори, говори!» - И, не поверишь, он ведь выучил эти буквы.

Потом были лихие «90»-е. Чтобы выжить, Марценковские с головой ушли в торговлю, то и дело мотаясь за товаром в Москву, оставив Артёма на попечение мамы Татьяны – Анны Степановны. Собственно, по этой причине Марценковский-младший не пойдёт в садик. Вместе с Анной Степановной Тёмка будет читать, помогая бабуле шить и вязать, вместе с ней будет делать какие-то домашние дела, мыть посуду, мести пол в избе, драть на грядках сорняки, копать картошку по осени, подменяя отца, и даже помогать доить коров, сызмальства приучаясь к труду. Из-за особенной привязанности к бабушке, Тёмка получит от родителей доброе прозвище «бабушкин хвостик».

— Время было тяжёлое. Приходилось выживать, - будет вспоминать Татьяна. – Пришлось заняться торговлей. Это 93-й год был – Тёмка ещё совсем маленький был... Как-то раз в Москву за товаром поехали, и Артёмка говорит нам: «Вы мне привезите «чёрную акулу». Вертолёт был такой - «Чёрная акула». Фильм ещё тогда про него вышел... Сильно Тёмка этот вертолёт хотел получить. Мы всю Москву с Колей опластали – нигде этот вертолёт найти не могли.

Но просьбу сына Татьяна с Николаем всё же выполняют. Заехав на Казанский вокзал, они случайно наткнутся там на «Чёрную акулу», о чём Татьяна вспоминает и по сей день со светлой радостью и грустью:

— Купили, конечно... Как без неё обратно ехать! Домой приезжаем, время чуть-чуть девятого. Я: «Тёма-Тёма!» - А он сидит возле кресла, брови свёл, насупился. Я говорю: «Тёмка, ты почему нас не встречаешь-то?» - Он по-своему чё-то буркнул. Мать ему

говорит: «Тёма, так мама с отцом приехали, ты почему их не встречаешь?» - А он молчит и всё. Потом уже, когда мы сумку начали потрошить, вытаскиваем вертолёт этот: «Тёма, мы тебе чё привезли-то!» - Он подбежал, давай нас обнимать, целовать. Я говорю: «Артём, чё случилось-то? Ты почему к нам с папой сразу не подошёл?» - А он: «А чё вы зашли, сразу мне «чёрную акулу» не дали?»

Возможно, именно тогда в Марценковском-младшем впервые появились мысли о Родине, об армии и службе. С годами, набрав силу и пустив мощные корни в его сознании, те детские воспоминания и впечатления станут той благодатной почвой, которая обычно рождает настоящий патриотизм и любовь к своей стране, к тому клочку земли, где прошло твоё детство и юность, где ты начал делать первые шаги, где появился твой первый молочный зуб, где ты сказал первое «люблю» и где похоронены твои предки...

Как все дети, Артём, будучи ещё совсем мелким, по-своему думал о взрослой жизни, мечтая стать, ни много - ни мало, Президентом или хотя бы его помощником. Может быть, поэтому через много лет та детская мечта станет причиной особого уважения Артёма к Путину, в футболке с портретом которого он приедет в отпуск к родителям с СВО...

— Он к Президенту нашему очень уважительно относился. Везде чуть что, Путин, Путин... Никому о нём не разрешал плохо говорить, - как-то за столом, куда меня затянут чаевать Марценковские, скажет Татьяна. — Для него Путин был примером по жизни, что ли. Он даже портрет его в доме повесил...

Учиться Артём будет в школе № 5, попав к Ольге Кимовне Ружниковой. Школьная наука будет даваться мальчишке легко – домой он будет приносить, в основном, одни пятёрки, относясь к школьным заданиям с особой ответственностью, которая, порой, доводила родственников до первых седых волос.

— Была у нас как-то раз забавная ситуация, - вспомнит Татьяна. — Ночь. Все спим. Просыпаемся – Артёмка плачет. Я соскакиваю и к нему: «Что случилось?» - «Зайца забыл нарисовать!» - «Какого зайца?» - «Для класса!» - Как сыну не помочь! На следующий день мы все вместе этого зайца нарисовали, и ему поставили пятёрку. Пришёл со школы дово-о-ольный! Аж весь сияет от счастья; по рисованию-то у него не совсем хорошо было.

На вопрос, каким Артём был по характеру, Татьяна, не задумываясь, ответит:

— Спокойный, тихий. Плясать любил, говорить. Это потом он молчуном стал.

Его никто никогда не задевал – не за что было, а вот после школы он стал совсем другим – жёстким, но всегда был справедливым. Как-то осенью он ехал с друзьями на машине и, вдруг, резко остановился возле какого-то парня у обочины. Выскочил из машины и давай его бить. Сильно его побил. Хорошо, тогда его друзья оттащили. Потом уже мы узнали, что тот парень сильно Артёму насолил. Чтобы Тёмку из себя вывести, надо было сильно постараться.

Подрастая, Артём всё больше привязывался к отцу, понемногу участь у него мужским делам, рано полюбив езду на машине.

- Тёмке, наверное, лет пять было, когда мой друг Лёха вместе с ним заехал в магазин, - вспомнит Николай. - Сам – за покупками, а Тёмку сторожить оставил. Пока он покупки делал, машина завелась. Чё такое? Лёха из магазина выбегает, а там наш Тёма развлекается – руль во все стороны крутит. Хорошо, куда не уехал – ноги-то у него тогда до педалей не доставали.

Так мальчишка и будет подрастать – подглядывая за отцом да матерью. Что они делали, то и Артём за ними повторял. Секрет его воспитания Татьяной и Николаем был немудрёным - просто сын везде и всегда был рядом с ними. Куда родители, туда и он. Так и учился всему понемногу, всё повторяя за родителями, особенно за Николаем – манеру одеваться, говорить...

— У него даже походка и движения были отцовы, - скажет брат Николая, Леонид Станиславович, который в один из вечеров придёт поддержать брата после смены в котельной. - Я вот, например, холерик – подвижный, а Артёмка весь в отца – всё у него степенно было, не быстро, но при этом всё тщательно. И что-то мамино, конечно. Но ягоду Артём с Колей всегда, что характерно, брали вперёд всех. Я хоть и живчик, а никогда не мог за ними поспеть. Я как-то Коле говорю: «Однако, Колька, Тёмка-то тебя по ягоде перебил!» - Хотя Колька тоже шибко быстро ягоду собирает. Помню, приехал я на каникулы с учёбы. Коля ещё в школе учился... Тут самая ягодная пора началась, а у нас землянка своя была в Заячьей пади. Помнишь, Колька?

Николай кивнул:

— Помню. Конечно...

— И мы чё-то тогда туда за брусничкой махнули все вместе. Отец мне тогда ещё говорит: «Колька-то, глянь, как ягоду берёт! Как он так быстро?» - А через много лет уже Артёмка Колю обогнал по скорости. Потом на рыбалку вместе с Артёмкой ездили, а потом чё-то завязали с этим, а к охоте Артёмка так и не пристрастился.

Возможно, судьба Артёма была бы иной, если бы он пошёл по карьерной лестнице, но, видать, не лежала душа парня к кабинетной пыли, хотя голова у него была - дай Бог каждому.

В 2009-м году Артём поступит в ЗаБИИЖТ на платный факультет управления на транспорте. Не свалий он тогда дурака, мог бы быть целым начальником железной дороги. Но, крутанув руль, судьба понесла Артёма по другой дорожке. Проучившись полтора года, он неожиданно для всех бросил учёбу, вылив не только родителей, но и не чаявшего в племяше души дядьку:

— Ох, я тогда на Тёмку рассердился! Ты чё, говорю, делаешь-то? А он только лыбится. Поехали мы к заместителю декана, чтоб узнать, чего получилось-то, а она нам и говорит: «Очень жаль, что Артём бросил учёбу. Такой светлой головы на нашем факультете ещё не было. Ему обязательно надо восстанавливаться». – Но Артём просто не захотел дальше учиться. Сказал, что душа к этому не лежала.

И это было чистой правдой. Но была и другая правда, о которой уже после смерти сына решился рассказать Николай:

— Если совсем честно, Артём просто расслабуху в городе поймал. Когда в общаге живёшь, там же вечная суета, а родители далеко, некому контролировать, нотации читать. Вот он и начал там втихушку от нас с матерью курить, на гитаре играть, дружки появились разные, и Тёма от них, как бы, нахватался не самого хорошего. Молодой же был, жизни ещё не знал. Может, поувереннее себя хотел почувствовать. Не знаю... Мы когда с Татьяной в Китай поехали, он себе кепку широкую купил, фотографии какие-то с пистолетами были, с ружьями, давай пальцы гнуть – не шибко, но заметно. Я ему потом говорю: «Сына, не надо этого. Это всё дешёвые понты». - Но это было недолго. Понятно, что это всё баловство мальчишеское было, поэтому я его и не судил за это особо – все мы по молодости ошибались. Он когда повзрослел, потом сам о том периоде не раз жалел. Понял, что ошибку совершил.

Слушая Николая, я вспомнил уже про свои ошибки молодости. Спасибо матери, всё детство державшей меня в ежовых рукавицах. Я не был хулиганом, но моё природное любопытство частенько становилось причиной самых разных, порой не самых приятных ситуаций. Путь проб и ошибок проходят все, даже великие и известные люди, только кто-то в большей, а кто-то в меньшей степени. Так что, как говорится, кто без греха, первым брось камень...

Если не брать во внимание отдельные моменты, которые были частью взросления Артёма, он был очень хорошим парнем, которого, по словам родителей и дядьки, по большому счёту, и ругать-то что в юности, что потом, не за что было. Главное, что отличало его от сверстников – особая любовь и уважение к родителям, которым он старался помогать, как мог. Уж сколько лет прошло, а Татьяна до сих пор вспоминает, как Тёмка их из командировок встречал:

— Поехали мы с Колей в Китай по делам в первый раз, во второй, в третий. Как ни вернёмся домой, Артёмка нам всё голую картошку варит и варит. Я ему: «Артёмка, ну что ж так-то? Неужели у нас дома больше никакой еды нету кроме картошки?» - В очередной раз приезжаем из Китая, и тут нас Тёма на лопатки уложил. Сделал нам ужин, как в ресторане - крылышки запечённые с картошкой, орешки постряпанные и ещё пиццу сделал. Не-е... Хороший у нас был парнишка.

Не удержавшись, Татьяна снова заплакала, но взяв себя в руки, продолжила:

— Его все его друзья любили. Он в Туринской сапёром служил, там с Сашкой Пантелеевым и познакомился. Как-то мне звонит, а я ехала от моей мамы: «Ты, где?» - Я говорю: «Я от бабушки еду». – «Ты чё, не собираешься меня забирать?» - Я говорю: «Откуда?» - «Так меня всё, демобилизовали». – Я тут же отцу звоню, а он телефон где-то бросил. Я разворачиваюсь, и в Туринскую. Приезжаю туда - выходит Ванька Окунцов, а потом уже наш выходит. Я тогда Тёмку вообще не узнала. Вышел в кожаной куртке, очки солнцезащитные на голове у него, за спиной гитара. За ним парни вышли и давай его качать, а Сашка мне и говорит: «Ой, тётъ Тань, какой у вас сын хороший! Артёмка - наш любимчик!»

После дембеля Артёма увлекла новая жизнь – деньги, машины... О том периоде Николай не особо любит вспоминать:

— Он тогда как барин ходил. Как-то раз в «Елене» какой-то банкет был. Заходит Артём и на весь зал: «Всем шампанского!» - Потом пошёл работать на дорогу - Иринка, подруга его, устроила его мастером дорожного участка в Могоче. Это четыре года назад было... И вот там он у нас как-то совсем по-другому раскрылся – и как работник, и как человек. Работал, как говорится, от зари до зари. Ко всем своим обязанностям очень ответственно подходил. Татьяна его всё время ругала: «Артём, конечно, надо работать, но не до такой же степени!»

Возможно, и надо было бы Артёму послушать мать, но он не мог иначе. Сборка у него такая была, фирмы «Марценковские». Если Тёмка брался что-то делать, обязательно всё доводил до конца, в том числе на работе. Единственное, чего не успел сделать, так это найти с другом детства Денисом могилу Чингисхана. Была у них такая на двоих мечта, разбившаяся об обстоятельства непреодолимой силы в лице Николая, живо остудившего пыл дарасунских следопытов:

— Я им говорю: «Если вы её будете искать, могилу эту, вы всё Забайкалье перекопаете и не факт, что он именно в Забайкалье похоронен. Это историю надо знать, чтобы концы искать, а где ты её найдёшь, эту могилу. Не вы одни такие умные. До вас сколь людей этим занимались!»

Танк убивает молча

Артём так и не найдёт могилу Чингисхана, но умение искать и доходить до сути через несколько лет очень пригодятся ему на СВО. Там он не раз вспомнит, как ходил с отцом и дядькой по забайкальской тайге, учась разводить костёр под дождём, обходиться малым, терпеть и ждать, а на фронте это самые нужные навыки. Об этом в 2016-м в «Призраке» мне будет рассказывать ополченец с позывным «Рысь»:

— На войне главное - это умение ждать и терпеть. Война – это хитрость, изворотливость, умение найти определённые варианты решения проблемы, тактические ходы. Это шахматная игра между двумя сторонами. Был у нас случай очень примечательный, многие люди о нём знают. Мы собирались атаковать противника, и нам нужно было преодолеть всего лишь три километра, чтобы войти в соприкосновение с противником. Для обычного человека три километра – это фигня. Так вот, мы в течение недели просто ждали. У нас то объявляют тревогу, то отбой дают. Мы сидим обвешанные оружием по пять-шесть часов в снегу по уши, и просто ждём. Опять тревога, и опять отбой. И вот только через неделю мы выдвинулись, прошли всего полтора километра и закрепились. Целую неделю мы находились в подвешенном состоянии, толком не спали, не ели – просто ждали приказа. То есть, всё ради того, чтобы пройти полтора километра...

Наш с Артёмом разговор о фронтовых буднях начнётся, как это ни странно с сознания бойцов, которое, по словам, Артёма, в окопах меняется полностью:

— Здесь, на гражданке, всё по-другому и восприятие каких-то вещей тоже. Разница очень весомая. То, что по телевизору, в кино, не так, как на самом деле. Кстати, телевизора с компьютером там нет. Многих это по-настоящему ломает. Поначалу, конечно, дико. Особенно первый месяц. Постоянно же привыкли что-то кому-то написать, поговорить, а там такого нет. Но со временем ты это принимаешь, а потом просто перестаёшь это замечать, потому, что на фронте нужно не умение переписками в интернете заниматься. Там нужны другие качества - сила духа и выносливость. Прежде всего. И, конечно, умение ждать. Мы ведь мобилизованные. Сроки службы у нас не установлены, никаких контрактов, ничего нет. Как говорится, от начала и до конца. Проблема в том, что нет определённости - уже второй год пошёл. Невольная толкотня в блиндажах и окопах. Каждый день всё одно и то же, особенно там, где подолгу приходится сидеть и просто ждать приказа. Естественно, кому-то что-то начинает не нравиться. Депрессий у нас нет, но когда перед тобой неизвестность и не знаешь, чего ждать – то ли приказ, то ли отпуск, то ли пулю, ощущение жизни, конечно, меняется. Люди устают. У большинства - семьи.

Неопределённость – штука, конечно, неприятная. Но есть вещи похуже, когда из нормального человека война дёрганого психа делает, когда каждую ночь – кошмары, когда чернявые от роду парни за пару суток белыми становятся. Видел я таких в 321-м госпитале в Чите во время первой и второй Чеченской кампании. Именно тогда я впервые столкнулся с «седыми мальчиками», некоторые из которых страдали жуткими посттравматическими психозами.

Война – штука страшная. Она любого сломать может. Во время своей короткой поездки на Донбасс в апреле 2016-го замечательный военный хирург с позывным «дядя Миша» расскажет мне много «интересного» о последствиях боевых действий:

— Психика военного, который участвует в боевых действиях, отличается от психики гражданского. Да – в гражданского прилетела мина, градина, он попал под обстрел, но он гражданский, он не воюет, а ребята воюют – они на передовой с оружием. У них совершенно другое отношение к войне. На войне через одного - посттравматические невриты, последствия контузий, минно-взрывных травм, невропатии... Как-то раз с

Аэропорта пацана привезли в 2014-м году, по-моему, в июле или в августе. На перевязке осколки из него достаю, а у него эфка в руке и палец в кольце большой. Я ему: «Можешь, гранатку-то отдашь, зачем она тебе сейчас?» - А он: «Это мой талисман, док, не отдам!» - И вот я работаю, осколочки помаленьку достаю: «А чё не отдашь-то?» - «А я, когда меня накрыло, думал, что «укропы» идут. Сел под дерево и взял гранатку». - Он подорвать хотел себя и противника. Потом увидел, что свои идут, но гранату всё равно не отдал. Так его на стол с этой эфкой и привезли – замкнуло пацана и всё. Он так с этой гранатой и лежал в операционной, а потом с ней в палату пошёл – он ходячий был, мы с ним под местной анестезией работали. И потом только через сутки психолог уговорил его гранату отдать, после чего он её в подсумок положил. Он всё думал, что за ним противник идёт. Солдат – такой же человек, только с оружием, и съехать с катушек он может даже от лёгкого ранения, тем более, если психика слабая. Бывают такие бойцы, которые увидят кровь и теряют сознание. Но, каким бы ни было ранение, это всегда травма, в том числе психологическая. С 2014-го на «ноле» или элбээсе (линии боевого соприкосновения) мало что изменилось. Те же взрывы и стрельба, те же осколки, те же невроты и психозы, в том числе посттравматические...

На мой вопрос, насколько на СВО важна физическая подготовка, Артём с ходу ответит: — Да процентов на девяносто! Считай, на себе броник то и дело приходится таскать. Мой килограммов двенадцать с чем-то весит, а «Монолиты» уже по двадцать четыре кило. Плюс каска. Плюс БК с разгрузкой. Плюс рюкзак. Килограммов по сорок-то на себе приходится таскать, пусть и не каждый день. С тем же «Монолитом» особо не побегаешь, а у нас ещё контингент набран, в среднем, сорок лет. У половины есть какие-то болезни. Со спиной особенно много у кого. Стопы у кого-то. Есть давление, геморрой... Но парни не жалуются. Понятно, что всё надоело – есть такое дело, люди по дому соскучились, по семьям... Но чтобы против государства выступать, чтобы кто-то сказал, что хохлы правы, а мы нет, такого у нас нет. Президента вообще уважают.

Другого я от Артёма и не ожидал услышать. На войне побеждает только сильный духом, но люди есть люди. Некоторые дают слабину, некоторые просто бегут от страха – такое на любой войне случается. Один из таких моментов произойдёт на одной из позиций, где Артём с парнями попадёт в жёсткую мясорубку. Во время обстрела несколько человек не выдержат и оставят позиции. Вспоминая этот момент, Артём скажет: — Это был самый страшный бой, который я видел - когда по тебе прямой наводкой танк работает. Самое противное, что звука выстрела от танка не слышно. Просто взрыв и всё. Снаряд же быстрее скорости звука летит. Миномёт слышно, квадрокоптер слышно, а танк убивает молча.

В какой-то момент наш разговор зашёл о противнике и о том, что он, мол, «плохо обучен». Артём ответит неожиданно:

— Я бы так не сказал. Противник у нас сильный, иначе бы мы его давно взяли. Такие же славяне, как и мы. Так же думают, анализируют, ищут варианты. Есть слабые духом. В основном, это те, которых с улиц набирают, а есть киборги, идейные, которые, как и мы, будут до последнего стоять. Просто у нас с ними идеи разные. Это хорошо обученная армия, которой помогает весь коллективный запад. Там же и наёмники, и натовские инструкторы... Кого только нет. Если задуматься, какую мы там силу сдерживаем, даже страшно становится. Поэтому всё это и затянулось.

Артём завёлся:

— Сейчас много людей, которые говорит, что всё надо заканчивать, начинать мирные переговоры... С кем? С фашистами? У них было время с Минскими соглашениями. Чем закончилось, все прекрасно знают. Их руководители на весь мир открыто признались, что

Минские соглашения были для отвода глаз, чтоб вэсэушникам дать передышку и лучше их вооружить. Поэтому теперь только вперёд до самой победы. По-другому никак. Просто обычные люди, гражданские, которые там не воюют, многого не знают, отсюда неправильные выводы и неправильное отношение к СВО.

На вопрос, что на фронте достаёт больше всего, Артём, улыбнувшись, признается: — Мыши. Они же от мусора разводятся, в основном. Ну и люди. Некоторые... Но больше мыши. Они там везде – и в блиндажах, и в технике. В спальник могут залезть, в обувь. Самое противное, что они имущество портят, оборудование из строя могут вывести. Недавно мне рюкзак разгрызли. Боремся с ними, конечно. Мышеловки ставим, отлавливаем. Кто-то травит, кто-то на клей ловит, кто-то просто казнит, потому что они всех достали. За вечер, бывало, 12-15 штук поймает. Короче, кто на что горазд. Пробовали кошку завести, так она не ест мышей. Наелась, видно. Ей даёшь живого мыша – она смотрит и отворачивается. Мы иногда ёжиков приносим, но они пакостные. Они, как сказать-то? Гадят, короче, везде, но мышей ловят. — А что на фронте выручает, помогает? Что лично тебе помогает там держаться?

На какое-то время Артём замолчал.

— Что помогает? Не знаю. Мысли о доме, о семье, наверное. Я уже привык. Живу да живу. Служу да служу. Некогда срываться. Если все начнут срываться, кто тогда Родину защищать будет? Конечно, хочется домой вернуться. Желательно с победой.

...К сожалению, мечте Артёма не будет суждено сбыться. Но останется наш разговор, для которого, верю, придёт своё время. Останется этот рассказ о жизни и смерти одного из сотен тысяч российских солдат, не пожалевшего для нас с вами, для Родины, – большой и малой, – своей жизни в борьбе за мирное небо над нашими головами. И останется его честно заслуженный орден Мужества, который с каждым годом будет приобретать всё большую ценность не только для родителей Артёма, но и для всех его земляков. А победа будет. Обязательно. Как в 45-м – с большим салютом и слезами на глазах. Иначе всё было зря – боевые выходы, ночные дежурства, атаки, надежда, бессонные ночи, плен и обмены, спанье в блиндаже в свете окопных свечей под мышинный писк, холод, обстрелы и бомбёжки, мысли о доме и родителях в залитом осенней жижей окопе и смерть боевых товарищей...

Наверное, как автору, мне можно было обойтись общими словами, не рассказывая читателю каких-то подробностей, но как тогда сделать очерк о судьбе солдата настоящим? Как передать горе родителей и чем его измерить? Как заставить читателя задуматься над какими-то важными вещами? Официальными штампами и затёртыми до дыр общепринятыми фразами? Нет. Только искренностью и честностью. Другого способа, к сожалению, не существует... Только честное и искреннее слово имеет особую силу и способность передать то, что чувствуют другие люди. Надо ли это знать людям? Обязательно. Несомненно. Иначе очерстеем душой, не поймём и не станем ценить то, что, порой, мы не замечаем и по чему идём маршем, вдавливая в суету и грязь повседневности самое важное, что у нас есть – отношения друг ко другу и любовь к Отчизне, ценность которых понимается только в солдатском окопе и у края могилы...

Закончить очерк об Артёме Николаевиче Марценковском я бы хотел словами из его видеообращения, которое он записал 9-го мая 2023-го года на передовой:

— Верьте в свою страну, в народ, Президента. За нами правое дело. Нужно просто пройти этот путь, это непростое время. Мы вернёмся домой. Нас дождутся. Мы – граждане России. Нам надо быть вместе единым народом. Тогда ничего страшного не произойдёт. А

если и произойдёт что-то страшное, мы это всё вместе преодолеем. Так что, всем удачи, веры и любви.

Максим Стефанович